

Republica Moldova

CURTEA CONSTITUȚIONALĂ

Перевод

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ

обращений № 49g/2018 г. и № 50g/2018 г.

об исключительном случае неконституционности
статьи 326 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовного кодекса
(*извлечение выгоды из влияния*)

КИШИНЭУ

8 мая 2018 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЙ № 49G/2018 И № 50G/2018
(ИЗВЛЕЧЕНИЕ ВЫГОДЫ ИЗ ВЛИЯНИЯ)

Конституционный суд в составе:

Михай ПОАЛЕЛУНЖЬ, *председатель*,
Аурел БЭЕШУ,
Игорь ДОЛЯ,
Виктор ПОПА,
Вячеслав ЗАПОРОЖАН, *судьи*,

при участии *секретаря заседания*, Думитру Аворника,

Принимая во внимание обращения, представленные и зарегистрированные 2 мая 2018 г. и 7 мая 2018 г., рассмотрев приемлемость указанных обращений, учитывая акты и материалы дела, проведя обсуждение в совещательной комнате 8 мая 2018 г.,

выносит следующее определение:

ФАКТИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА

1. Основанием для рассмотрения дела послужили обращения об исключительном случае неконституционности статьи 326 ч. (1) и ч.(1¹) Уголовного кодекса Республики Молдова, принятого Законом № 985 от 18 апреля 2002 года, заявленном адвокатом Александром Чебанаш в деле № 1-784/17, находящемся в производстве суда Кишинэу, сектор Буюкань, и адвокатом Марином Посту в деле № 1-585/16, находящемся в производстве суда Кишинэу, сектор Центру.

2. Обращения были представлены в Конституционный суд 2 мая 2018 года Ионом Морозан, судьей в суде Кишинэу, сектор Буюкань, и, соответственно, 7 мая 2018 года судебным составом суда Кишинэу, сектор Центру (судьи Людмила Барбос, Ион Киртоака и Радугреку), на основании ст. 135 ч. (1) п. а) и п. г) Конституции, в свете ее толкования Постановлением Конституционного суда № 2 от 9 февраля 2016 года.

3. Учитывая идентичность предмета обращений относительно оспариваемой статьи, Конституционный суд постановил объединение дел в одно производство, на основании статьи 43 Кодекса конституционной юрисдикции.

А. Обстоятельства основных споров

1. Обстоятельства уголовного дела № 1-784/17

4. Постановлением офицера по уголовному преследованию Национального центра по борьбе с коррупцией от 12 сентября 2016

года было начато уголовное преследование по факту предполагаемого совершения преступления – извлечения выгоды из влияния, предусмотренного статьей 326 ч. (1) Уголовного кодекса.

5. Постановлением прокурора Антикоррупционной прокуратуры от 16 ноября 2016 года Д. Шкарабнуца было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 326 ч. (1) Уголовного кодекса. Впоследствии, 25 января 2017 года было составлено обвинительное заключение.

6. Прокурор 6 февраля 2017 года передал уголовное дело в суд Кишинэу, сектор Буюкань, для рассмотрения.

7. Адвокат Александру Чебанаш 27 февраля 2018 года подал в канцелярию суда Кишинэу, сектор Буюкань, ходатайство об исключительном случае неконституционности статьи 326 ч. (1) Уголовного кодекса.

8. Определением от 25 апреля 2018 года судебная инстанция удовлетворила ходатайство, направив обращение об исключительном случае неконституционности в Конституционный суд для разрешения.

2. Обстоятельства уголовного дела № 1-585/16

9. Постановлением прокурора Антикоррупционной прокуратуры от 22 августа 2016 года С. Кырлиг было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного статьей 326 ч. (1¹) Уголовного кодекса [*Извлечение выгоды из влияния*]. Прокурор 12 сентября 2017 года передал уголовное дело в суд Кишинэу, сектор Буюкань, для рассмотрения.

10. Адвокат Марин Посту 28 февраля 2018 года подал в канцелярию суда Кишинэу, сектор Чентру, ходатайство об исключительном случае неконституционности предложения «Обещание [...] лицу, лично или через посредника, имущества, услуг, преимуществ или выгод, перечисленных в части (1), для него или для другого лица, в случае, когда данное лицо [...] утверждает, что имеет влияние на публичное лицо, лицо, исполняющее ответственную государственную должность, иностранное публичное лицо, международного служащего, в целях, указанных в части (1)» в ч. (1¹) статьи 326 Уголовного кодекса.

11. Определением от 29 марта 2018 года судебная инстанция удовлетворила ходатайство и направила обращение об исключительном случае неконституционности статьи 326 ч. (1¹) Уголовного кодекса в Конституционный суд для разрешения.

В. Применимое законодательство

12. Применимые положения Конституции:

Статья 1
Государство Республика Молдова

«[...]

(3) Республика Молдова - демократическое правовое государство, в котором достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм являются высшими ценностями и гарантируются».

Статья 15
Универсальность

«Граждане Республики Молдова пользуются правами и свободами, закрепленными Конституцией и другими законами, и имеют предусмотренные ими обязанности».

Статья 16
Равенство

«[...]

(2) Все граждане Республики Молдова равны перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии, пола, взглядов, политической принадлежности, имущественного положения или социального происхождения».

Статья 22
Необратимость закона

«Никто не может быть осужден за действия или за бездействие, которые в момент их совершения не составляли преступления. Не может также налагаться наказание более тяжкое, нежели то, которое могло быть применено в момент совершения преступления».

Статья 23
Право каждого человека на знание своих прав и обязанностей

«[...]

(2) Государство обеспечивает право каждого человека на знание своих прав и обязанностей. С этой целью государство публикует все законы и другие нормативные акты и обеспечивает их доступность».

13. Применимые положения Уголовного кодекса Республики Молдова, принятого Законом № 985 от 18 апреля 2002 года:

Статья 326

Злоупотребление властью или служебным положением

«(1) Притязание на получение, согласие принять или принятие, лично или через посредника, денег, ценных бумаг, услуг, преимуществ, иного имущества или выгод, для себя или для другого лица, лицом, имеющим влияние или утверждающим, что имеет влияние на публичное лицо, лицо, исполняющее ответственную государственную должность, иностранное публичное лицо, международного служащего, с целью побудить его к выполнению или невыполнению, затягиванию или ускорению выполнения действия при исполнении им своих служебных обязанностей, независимо от того, совершены такие действия или нет,

наказываются штрафом в размере от 2000 до 3000 условных единиц или лишением свободы на срок до 5 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 4000 до 6000 условных единиц с лишением права заниматься определенной деятельностью.

(1¹) Обещание, предложение или предоставление лицу, лично или через посредника, имущества, услуг, преимуществ или выгод, перечисленных в части (1), для него или для другого лица, в случае, когда данное лицо имеет или утверждает, что имеет влияние на публичное лицо, лицо, исполняющее ответственную государственную должность, иностранное публичное лицо, международного служащего, в целях, указанных в части (1),

наказываются штрафом в размере от 2000 до 3000 условных единиц или лишением свободы на срок до 3 лет, а в случае юридического лица – штрафом в размере от 3000 до 5000 условных единиц с лишением права заниматься определенной деятельностью.

[...]».

ВОПРОСЫ ПРАВА

А. Аргументы авторов обращений

14. Автор обращения № 49g/2018г. утверждает, что положения статьи 326 ч. (1) Уголовного кодекса противоречат принципу равенства граждан перед законом и принципу универсальности, гарантированные статьями 1 ч. (3), 15 и 16 ч. (2) Конституции, поскольку органы уголовного преследования расследовали лишь действия его клиента, но не расследовали действия других лиц, участвовавших в совершении преступления. В связи с этим, автор обращения отмечает, что оспариваемые положения «искажают и минимизируют борьбу с крупной, средней или мелкой коррупцией», поскольку «расследуется лишь деяние лица, предположительно извлекающего выгоду из влияния, а не вся цепочка коррупции». Как выход из положения, автор обращения предлагает признать положения статьи 326 Уголовного кодекса неконституционными, а

действия лица, извлекающего выгоду из влияния, рассматривать в свете статей 42, 324 и 325 Уголовного кодекса.

15. Автор обращения № 50g/2018г. считает, что положения статьи 326 ч. (1¹) Уголовного кодекса содержат расплывчатые и непредсказуемые формулировки, которые могут применяться произвольно. В связи с этим, автор обращения отмечает, что уголовный закон не определяет четко статус «лица, утверждающего, что имеет влияние на публичное лицо», а применение этого законодательного положения к частным лицам является произвольным толкованием закона. Кроме того, автор обращения утверждает, что синтагмы «обещание» и «утверждает, что имеет влияние» составлены неточно, поскольку не понятно в какой мере затрагиваются социальные ценности, охраняемые уголовным законом, в случае, если лицо, пользующееся результатом влияния, не выполняет обещания, а лицо, извлекающее выгоду из влияния, не оказывает никакого влияния. Таким образом, автор обращения считает, что оспариваемые положения закона противоречат статьям 22 и 23 ч. (2) Конституции.

В. Оценка Конституционного суда

16. Рассмотрев приемлемость обращений об исключительном случае неконституционности, Конституционный суд отмечает следующее.

17. В соответствии со ст. 135 ч. (1) п. а) Конституции, конституционный контроль законов, в частности Уголовного кодекса Республики Молдова, принятого Законом № 985 от 18 апреля 2002 года, относится к компетенции Конституционного суда.

18. Конституционный суд отмечает, что обращения об исключительном случае неконституционности были представлены по ходатайствам адвоката Александра Чебанаш в деле № 1-784/17, находящемся в производстве суда Кишинэу, сектор Буюкань, и, соответственно, адвоката Марина Посту в деле № 1-585/16, находящемся в производстве суда Кишинэу, сектор Центру. Обращения поданы субъектами, наделенными таким правом, на основании ст. 135 ч. (1) п. а) и п. г) Конституции, в свете ее толкования Постановлением Конституционного суда № 2 от 9 февраля 2016 года.

19. Конституционный суд отмечает, что предметом обращения №49g/2018г. является статья 326 ч. (1) Уголовного кодекса. Относительно предмета обращения № 50g/2018г., Конституционный суд заключает, что, хотя и запрашивается контроль конституционности статьи 326 ч. (1¹) Уголовного кодекса в целом, в обоснование обращения автор ссылается только на синтагмы

«обещание» и «лицо [...] утверждает, что имеет влияние на публичное лицо».

20. Кроме того, Конституционный суд отмечает, что авторы обращений ссылаются на несоответствие оспариваемых положений статьям 1 ч. (3), 15, 16 ч. (2), 22 и 23 ч. (2) Конституции.

21. По поводу утверждений автора обращения № 49g/2018г., согласно которым положения статьи 326 ч. (1) Уголовного кодекса противоречат статьям 1 ч. (3), 15 и 16 ч. (2) Конституции, Конституционный суд заключает, что представленные в обращении доводы, как они изложены и в § 14 настоящего определения, касаются вопросов применения закона в конкретной ситуации. Это не относится к компетенции Конституционного суда. Согласно статье 135 ч. (1) п. а) Конституции, Конституционный суд осуществляет по запросу контроль конституционности законов. Так, оценка правильного применения закона входит в компетенцию судебных инстанций, наделенных законом полномочиями по осуществлению судебного контроля [статья 114 Конституции].

22. Второй довод автора обращения № 49g/2018г. касается целесообразности регламентирования преступления – извлечение выгоды из влияния. В этом аспекте, Конституционный суд отмечает, что целесообразность введения в уголовное законодательство ответственности за определенные деяния по Конституции отнесена к компетенции законодателя. Конституционный суд не наделен полномочиями вмешательства в выбор законодателя об установлении уголовной ответственности за какое-либо деяние до тех пор, пока это не противоречит основным ценностям демократии.

23. В качестве примера, Конституционный суд отмечает, что регламентирование факта извлечения выгоды из влияния как преступление произошло вследствие принятия Закона № 428 от 30 октября 2003 года о ратификации Уголовной конвенции Совета Европы о коррупции и Закона № 158 от 6 июля 2007 года о ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции. Так, согласно пояснительному докладу к Уголовной конвенции Совета Европы о коррупции, введение ответственности за извлечение выгоды из влияния направлено на установление ближайшего круга официальных лиц или политической партии, к которой они принадлежат, и пресечение коррумпированного поведения лиц, которые находятся в кругу власти и пытаются использовать данную ситуацию для получения преимуществ, тем самым способствуя возникновению коррупционной атмосферы. Данное обстоятельство позволяет договаривающимся сторонам бороться с так называемой «фоновой коррупцией» (*background corruption*), которая подрывает веру граждан в неподкупность публичных органов (§ 64).

24. Учитывая вышеизложенное, Конституционный суд считает, что обращение № 49g/2018г. не отвечает требованиям приемлемости для осуществления контроля конституционности.

25. Что касается утверждений автора обращения № 50g/2018г. о том, что положения статьи 326 ч. (1¹) Уголовного кодекса четко не определяют статус «лица, утверждающего, что имеет влияние на публичное лицо», что, по его мнению, ведет к произвольному применению этого законодательного положения по отношению к частным лицам, Конституционный суд заключает, что оспариваемая норма в определении лица, извлекающего выгоду из влияния, использует общую формулировку «данное лицо». Законодатель не устанавливает особые требования к данному субъекту.

26. Единственным условием законодателя по отношению к лицу, извлекающему выгоду из влияния, является то, что оно должно иметь или утверждать, что имеет влияние на публичное лицо. Так, лицо, извлекающее выгоду из влияния, является человеком извне («outsider»), в том смысле, что «он сам не может принимать решения, однако незаконно использует свое реальное либо предполагаемое влияние на других лиц» (пояснительный доклад к Уголовной конвенции Совета Европы о коррупции, § 66). Конституционный суд отмечает, что Верховный суд Канады в своей практике установил, что понятие «лица, имеющего или утверждающего, что имеет влияние» включает лиц, находящихся вне власти (*R. против Giguere*, [1983] 2 S.C.R. 448).

27. В связи с этим, обоснованность подобных требований к лицу, извлекающему выгоду из влияния, объясняется тем, что законодатель преследовал цель привлечь к ответственности лиц из окружения подверженного влиянию лица, принимающего решения. В узком смысле, это окружение может быть сформировано в большей степени из публичных лиц, которые могут оказывать влияние на лицо, принимающее решение, при условии, что это влияние не основано на отношениях подчиненности. Рассматриваемое в широком смысле, окружение лица, подверженного влиянию в смысле извлечения выгоды, распространяется на любое физическое лицо, удовлетворяющее общим требованиям лица, извлекающего выгоду из влияния, как изложено выше в § 26 и ниже в § 29. Следовательно, Конституционный суд считает, что предложение «лицо [...] утверждает, что имеет влияние на публичное лицо» в ч.(1¹) ст. 326 Уголовного кодекса сформулировано достаточно ясно и соответствует требованиям статей 22 и 23 ч. (2) Конституции.

28. Относительно доводов автора обращения № 50g/2018 о том, что слово «обещание» и синтагма «утверждает, что имеет влияние» в ч.(1¹) ст. 326 Уголовного кодекса является неточным, поскольку не понятно, в какой степени затрагиваются охраняемые уголовным

законом социальные ценности в случае, если лицо, пользующееся результатом влияния, не сдержит обещаний, а лицо, извлекающее выгоду из влияния, ни на кого не повлияет, Конституционный суд отмечает, что вопрос, затронутый автором обращения, сводится к моменту окончания преступления. В этом смысле, Конституционный суд отмечает, что слово «обещание» в ч. (1¹) ст. 326 Уголовного кодекса является одним из нормативных способов совершения преступления, которые вменяют в вину не любое обещание лица, пользующегося результатом влияния, лицу, извлекающему выгоду из влияния, а именно обещание денег, ценных бумаг, услуг, преимуществ, иного имущества или выгод. В текстуальном толковании понятие «обещать» означает, в данном контексте, взять на себя обязанность что-то сделать. Помимо того, Конституционный суд отмечает, что законодатель не обуславливает внешнее проявление обещания, главное, чтобы оно было ясным для лица, извлекающего выгоду из влияния, без необходимости его принятия.

29. С другой стороны, Конституционный суд отмечает, что под синтагмой «утверждает, что имеет влияние» в ч. (1¹) ст. 326 Уголовного кодекса законодатель имел в виду гипотетическое влияние на принимающее решение лицо, подверженное влиянию. В связи с этим, Конституционный суд отмечает, что основанием подобного регламентирования является то, что преступление по извлечению выгоды из влияния состоит не только в фактическом влиянии, а распространяется и на случаи, когда лишь утверждается о наличии влияния, которое еще не было осуществлено. Кроме того, Конституционный суд заключает, что предполагаемое влияние лица, извлекающего из него выгоду, не подпадает под действие уголовного закона, если оно не сопровождается фактором притязания на получение, согласия принять или принятия, лично или через посредника, денег, ценных бумаг, услуг, преимуществ, иного имущества или выгод, для себя или для другого лица. Более того, влияние, которое по утверждению лица, извлекающего из него выгоду, имеется на лицо, принимающее решение, должно вызывать доверие у лица, пользующегося результатами такого влияния, и, в то же время, реализуемым, не зависимо от того, было ли осуществлено это влияние или принесло ли оно желаемые результаты. Это предполагает, что преступления, предусмотренные ст. 326 ч. (1) и ч. (1¹) Уголовного кодекса, являются формальными.

30. Конституционный суд отмечает, что установление уголовной ответственности за извлечение выгоды из влияния отвечает требованиям принципа необходимости наказания, учитывая, что, путем соглашения (*quid pro quo*), лицо, пользующееся результатами влияния, верит в то, что влияние будет фактически осуществлено лицом, извлекающим выгоду из влияния, и в результате публичное

ОПРЕДЕЛЕНИЕ О НЕПРИЕМЛЕМОСТИ ОБРАЩЕНИЙ № 49G/2018 И № 50G/2018
(ИЗВЛЕЧЕНИЕ ВЫГОДЫ ИЗ ВЛИЯНИЯ)

лицо примет благоприятное для данного лица решение. Соответственно, Конституционный суд отмечает, что договоренность между лицом, пользующимся результатом влияния, и лицом, извлекающим выгоду из влияния, имеет уголовное значение, поскольку целью этой договоренности является коррупция. Так, по мнению законодателя, само соглашение о влиянии создает недоверие граждан в беспристрастность публичных лиц, что требует регламентирования этого деяния в качестве преступления, независимо от наступления определенных последствий (т.е. принятие обещания; осуществление влияния).

31. Таким образом, Конституционный суд отмечает, что оспариваемые положения сформулированы с достаточной точностью, в соответствии со статьями 22 и 23 ч. (2) Конституции. Следовательно, Конституционный суд заключает, что обращение №50g/2018г. является необоснованным.

По этим основаниям, в соответствии со ст. 26 Закона о Конституционном суде, ст. 61 ч. (3) и ст. 64 Кодекса конституционной юрисдикции, Конституционный суд

О П Р Е Д Е Л И Л:

1. Признать неприемлемыми обращения об исключительном случае неконституционности:

- статьи 326 ч. (1) Уголовного кодекса Республики Молдова, принятого Законом № 985 от 18 апреля 2002 года;

- слова «обещание» и предложения «лицо [...] утверждает, что имеет влияние на публичное лицо» в ч. (1¹) статьи 326 Уголовного кодекса Республики Молдова, принятого Законом № 985 от 18 апреля 2002 года,

представленные по ходатайствам адвоката Александра Чебанаши в деле № 1-784/17, находящемся в производстве суда Кишинэу, сектор Буюкань, и адвоката Марина Посту в деле № 1-585/16, находящемся в производстве суда Кишинэу, сектор Центру.

2. Настоящее определение является окончательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня принятия и публикуется в «Monitorul Oficial al Republicii Moldova».

Председатель

Михай ПОАЛЕЛУНЖЬ

Кишинэу, 8 мая 2018 г.

ОКС № 41

Дело № 49g/2018 г. и № 50g/2018 г.